

эсеров за демократию в условиях гражданской войны лишь расширяла её размах, не принося им успеха, тогда как ставка большевиков на однопартийную диктатуру по сути полностью себя оправдала. Сравнивая мобилизационную деятельность большевиков в период Гражданской войны и работу советской государственной машины в 1941–1945 гг., Фоменко выявил принципы, позволявшие политической системе, созданной в условиях революции, успешно действовать в чрезвычайных обстоятельствах (с. 126–142).

Однако, разумеется, окончательное преодоление кризиса происходит не в момент перелома, а в ходе дальнейшей организации новой социальной реальности. В первой половине XX в. это выражалось в форме Большого скачка 1930-х гг. Революция никогда не достигает поставленных революционерами целей, но она приводит к пересмотру смыслов, часто превращающихся в полную свою противоположность. Революция изменяет страну, но её последующее развитие обеспечивается не стихийным творчеством и энергией разрушения, а властью, вступающей в борьбу с беспорядком революционной

эпохи. Отсутствие постреволюционной мобилизации — прямой путь к новому кризису. Это проявлялось, в частности, и в исследованных Лившиным настроениях советского общества 1920-х гг., лояльного новому строю и готового усваивать и транслировать клише господствующей идеологии, но внутренне крайне разнородного и инертного (с. 126). Определённое сходство тут можно увидеть и с ситуацией начала XXI в., рассмотренной Купряшиным и Пшизовой (с. 173–230). В обоих случаях легитимность власти ставилась под сомнение из-за разительного несоответствия декларируемых принципов и повседневной практики (высокая коррумпированность, незаконное обогащение, быстрый рост имущественной дифференциации). Преодоление ещё не завершённого кризиса, по мнению авторов, обусловлено «последовательным и консолидированным институциональным строительством» (с. 206), а также «конструктивным диалогом» власти и общества (с. 230).

В целом данная монография вносит значительный вклад в изучение истории и феноменологии политических кризисов XX в.

Антон Короленков

Рец. на: В.А. Engel, J. Martin. Russia in World History. Oxford: Oxford University Press, 2015. XVI, 156 p.*

Anton Korolenkov

(«Novaia i Noveishaia istoriia» journal, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: В.А. Engel, J. Martin. Russia in World History. Oxford, 2015

Книга Барбары Энджел и Джанет Мартин «Россия в мировой истории» открывает новую серию, в выпусках которой предполагается кратко освещать прошлое тех или иных стран. Авторы — профессиональные историки: Энджел изучает роль женщин в России, Мартин — русское Средневековье. В своей новой работе они решили показать не только ход политических событий и судьбы виднейших деятелей, но и жизнь и характеры обычных людей.

Во введении авторы указывают на особенности географии и климата России. Огромные

расстояния, скудные почвы нечернозёмных районов, отсутствие прямого выхода к морю не способствовали её быстрому развитию; естественных преград для вторжений извне не имелось, что облегчало путь врагам. Всё вместе это создавало условия для укрепления центральной власти, без которой едва ли возможно было сохранить громадное государство. При этом в удобные моменты Россия и сама переходила в наступление, не сдерживаемая природными препятствиями. Энджел и Мартин учитывают и многонациональный состав

Энджел Б.О., Мартин Дж. Россия в мировой истории. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2015. XVI, 156 с.

населения Российской империи и Советского Союза, представителей которого иностранцы называли русскими независимо от их этнической принадлежности. Отмечают авторы и особую роль русской культуры, столь важной для понимания места России в мире (р. IX–XIII).

Краткие «Замечания по поводу дат и имён» (р. XV) предваряют основной текст, разделённый на восемь глав – «Образование Руси: славяне, викинги и Византия» (р. 1–14), «Образование и расширение Московской державы (1240–1462)» (р. 15–28), «Московская держава: поздние Рюриковичи и первые Романовы (1462–1689)» (р. 29–44), «Петровская революция (1689–1725)» (р. 45–59), «Триумф империи (1725–1855)» (р. 60–74), «Реформы и революция (1855–1905)» (р. 75–91), «Войны и революции (1905–1945)» (р. 92–109), «Холодная война и крушение коммунистической системы (с 1945 до наших дней)» (р. 110–126). Такая периодизация, возможно, удивит отечественного читателя, привыкшего видеть в качестве «водоразделов» 1917 и 1991 гг. Издание включает неплохо подобранные чёрно-белые иллюстрации и карты, а его обложку украшает цветная репродукция картины Б.М. Кустодиева «Ярмарка», очень точно соответствующая замыслу авторов.

Не пытайтесь последовательно, как это делается в учебных пособиях, перечислять основные исторические события, Энджел и Мартин пользуются почти литературными приёмами, призванными привлечь внимание читателя. Так, глава о Петре I начинается со сравнения: «На портретах царь Пётр выглядит совершенно иначе, чем его отец, царь Алексей Михайлович. У отца – борода, традиционный признак благочестия у православных; сын же чисто выбрит. Подобно другим современникам, отец одет в кафтан, на сыне же доспехи». В руках отца – знаки власти, скипетр и держава, у сына – подозренная труба, а слева изображены два корабля, указывающие, на что было направлено его внимание. Если отца именовали Алексеем Михайловичем, то сын отчеством обычно не пользовался. «Триумф империи» открывается эпизодом из воспоминаний А.Е. Лабзиной: её мать отказалась уезжать во время башкирского восстания и сумела поладить с приехавшими на её двор башкирами, которые с тех пор стали её добрыми друзьями – любопытный пример отношений между

представителями различных этносов в России. В следующей главе прежде всего рассказывается о прибытии полиции незадолго до отмены крепостного права в одну из подмосковных деревень, крестьяне которой, не раз безрезультатно жаловавшиеся на помещика, отказались признавать власть барина и выполнять его повеления, не дали арестовать зачинщика волнений Егора Панкратьева и бежали из деревни. Всё это, бесспорно, оживляет изложение и облегчает восприятие остального текста.

Вряд ли нужно подробно передавать содержание книги, где вкратце описаны в основном хорошо известные события. Следует отметить скорее некоторые особенности их освещения. Начав своё повествование со второй половины IX в., т.е. с «призвания варягов» (упоминается, правда, и о возникновении Старой Ладogi в середине VIII в.), авторы характеризуют территорию, экономику, межэтнические связи, бегло сообщают о политических обстоятельствах, не вспоминая не только полупоупендарного Олега, но и Святослава Игоревича, однако сравнительно много сказав о правлениях Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. В той же манере подаётся материал и далее: приводятся лишь отдельные эпизоды военной и политической истории – монгольское нашествие, Смута, Отечественная война 1812 г., реформы Петра I и Александра II, революции, Великая Отечественная война, перестройка и др., но с большой охотой показаны условия развития культуры, особенно – литературы, церковной жизни (преимущественно допетровской эпохи), межнациональных отношений. Интересуют авторов и «маленькие люди» – крестьяне Савва Пурлевский, Семён Канатчиков, Ольга и Павел Митрофановы, работница советской кондитерской фабрики Анна Дубова, в чьих судьбах и чаяниях отразились специфические черты их времени.

Удачно вписаны в рассказ о той или иной эпохе сведения о положении женщин. Об «эмансипированной» по меркам XVII в. жене А.С. Матвеева (родом из Шотландии!) говорится в контексте постепенного усвоения западных обычаев некоторыми представителями верхушки допетровского общества. Зарождение женского движения раскрывается как одно из знамений времени в годы Великих реформ, «бабье царство», в которое превращались многие деревни из-за ухода

крестьян на заработки в город, оказывается одной из оборотных сторон экономического подъёма конца XIX в., и т.д. Несколько больше обычного написано о тяготах домашнего хозяйства, дополнительным бременем livelihoods на советских женщин (часто при отсутствии помощи со стороны мужчин), и тут же приводится яркий пассаж из нашумевшей в своё время повести Н.В. Баранской «Неделя как неделя». Но эта тема намного ближе и понятнее современным читателям и читательницам, к тому же она не утратила актуальности и сейчас.

Оценки тех или иных событий и явлений, как и общая тональность повествования Энджел и Мартин, отличаются взвешенностью и высоким уровнем объективности. Авторы с явной симпатией относятся к России, особенно к Древней Руси. Возможно, поэтому они умалчивают о жестокостях, в особенности сопровождавших распри XV в., о произволе московских князей. Даже правление Ивана IV, результаты которого без обиняков признаются катастрофическими, изображается без «излишних» подробностей. Конечно, есть сведения о новгородском погроме (р. 34–35), но не упомянуто об отравлении царём двоюродного брата и непреднамеренном убийстве сына, хотя это не только являлось проявлением буйного и свирепого нрава монарха, но и способствовало краху династии.

В XVII в., по мнению авторов, много расуждающих о заимствованиях с Запада, преимущественно в области культуры, Россия могла превратиться в экономическую колонию европейских держав (р. 47). Этим объясняется повышенный интерес Энджел и Мартин к личности и царствованию Петра I. Правда, они и здесь стараются сохранять объективность: «Общественная польза, мирская слава и благо государства, став главными принципами его правления, заменили его подданным спасение души. Были ли проводившиеся им преобразования революционными в том смысле, что они коренным образом отличались от того, что делалось прежде, или речь шла лишь об усилении уже имевших место тенденций, остаётся предметом жарких дискуссий среди историков» (р. 48). Не скрывая, что повинности возросли как никогда в романовские времена, Энджел и Мартин считают, что в целом жизнь крестьян тогда почти не претерпела изменений (р. 53). Однако то, что именно в этот период складывалось

«классическое» крепостничество, а также возник культурный разрыв между дворянством и простонародьем, ускользает от их внимания. Достижения Петра перечисляются весьма основательно, а вот цена и последствия его преобразований осознаются недостаточно.

Рассматривая влияние крепостного права на российскую экономику, авторы вполне традиционно констатируют, что многие предприниматели XIX в. происходили из помещичьих крестьян, но успешно вели свои дела, «заяв денег у богатых господ и привлекая труд таких же, как они, крепостных». Отсюда делается вывод о том, что, «не являясь препятствием на пути возникновения промышленного капитализма, крепостничество затрудняло его дальнейшее развитие» (р. 68). Однако ясно, что такое торможение вело к отставанию страны.

В правление Николая I оппозиция всюду наталкивалась на репрессии, сетуют авторы, приводя в пример польское восстание 1830–1831 гг. (р. 72). Между тем странно было бы ожидать иной реакции на мятеж от любого из правительств во все времена. К тому же в 1830-х гг. восставших поляков преследовали менее сурово, чем, например, в 1863–1864 гг. Впрочем, упомянув о завоевании Кавказа и роли России в подавлении европейских революций (с неперменным напоминанием о репутации Николая I как «жандарма Европы»), авторы переходят к более обстоятельному рассказу о расцвете русской культуры в ту эпоху — прежде всего, конечно, о Пушкине, характеризую взгляды которого, они цитируют стихотворение «Клеветникам России» без каких-либо обвинений автора в имперских амбициях (р. 72–73).

Советский период описан достаточно беспристрастно. На страницах, посвящённых Гражданской войне, Энджел и Мартин сообщают и о голоде, и о терроре, как красном, так и белом (но признавая красный более жестоким), и об интервенции, укреплявшей уверенность большевиков во враждебности капиталистического мира. В то же время авторы указывают и достижения революции, особо выделяя уравнение женщин в правах с мужчинами, облегчение разводов, разрешение аборт и т.п. Ограничения в этой сфере, появившиеся в 1930-х гг., а также бремя домашних забот, добавившееся к основной работе, воспринимаются с нескрываемым сожалением (р. 98, 105–106). Несмотря

на ненадёжность советской статистики, отражающей показатели индустриализации и успехи стахановского движения, Энджел и Мартин констатируют главное: СССР стал индустриальной державой. Избегая категорических суждений о голоде 1932–1933 гг., они лишь осторожно отмечают, что «некоторые» считают его в отношении Украины актом сознательного геноцида (р. 103). Не отличаются особой новизной представления авторов о Большом терроре: от него «больше всего выиграл Сталин, чью роль в нём мало кто подозревал». Кроме того, «в выигрыше оказалось и более молодое поколение, получившее образование в советских школах и воспитанное в сталинистском духе. Его представители, заменив тех, кто исчез, быстро выдвинулись на управленческие посты и другие ответственные должности» (р. 107).

Высоко оценивается в книге подвиг народа в Великой Отечественной войне. Авторы не сомневаются в том, что советские люди «сражались с невероятной решимостью, несмотря на не поддающиеся описанию [тяжелейшие] условия» (р. 108), но если большая часть населения боролась за спасение страны, то её руководство заботилось и о сохранении господствовавшей политической системы. Явно не сочувствуя коммунистическому режиму, Энджел и Мартин в то же время не возлагают на него ответственность за холодную войну, напоминая, что вопрос о её виновниках ещё не разрешён (р. 111). С большой теплотой рассказывают они о Фестивале молодёжи 1957 г., свидетельствовавшем об ослаблении противостояния между СССР и Западом. «Оттепель», как и перестройка, в целом описываются благосклонно, но без идеализации, с учётом присущих этим периодам противоречий.

Зато реформы, проведённые «под руководством иностранных советников» после 1991 г., вызывают у авторов резкое осуждение. По их мнению, «социалистическая» собственность была продана «“бизнесменам” с хорошими связями» по неслыханно низким ценам, в результате чего приватизация стала «величайшей в мировой истории

бесплатной раздачей», от которой выиграл лишь узкий круг близких к власти лиц, тогда как уделом большинства граждан стала ужасающая бедность. Более сдержанно говорится о действиях В.В. Путина, отказавшегося следовать западной модели в российской политике, сделавшего ставку на русский национализм в многонациональном государстве, ограничившего свободы и укрепившего позиции Церкви. Но как бы то ни было, «несмотря на трудности, Россия, раскинувшаяся на евразийском субконтиненте, по-видимому, остаётся грозной державой (*formidable power*) независимо от того, переживёт ли Путина созданная им система» (р. 126). Этими словами завершается книга.

Конечно, объём ставил авторов в жёсткие рамки, и потому многие важные события и процессы остались «за кадром» или упоминаются вскользь. Не нашлось места и для многих имён, без которых трудно представить историю и культуру России — Г.А. Потёмкина, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.Ю. Лермонтова и др. К сожалению, не обошлось без неточностей. В частности, дочь Ярослава Мудрого Елизавета названа женой датского короля (р. 8), хотя это предположение основано на недоразумении¹, манифест Петра III о вольности дворянства датирован 1761, а не 1762 г. (р. 64), русско-турецкая война 1787–1791 гг. отнесена к 1788–1792 гг. (р. 60), можно прочесть о сотнях декабристов, осуждённых на пожизненную каторгу (р. 70), тогда как на деле различным наказаниям подверглись всего 126 заговорщиков, не считая солдат, А.Д. Сахаров почему-то назван создателем советской атомной бомбы (р. 119), а не водородной, и т.д. Однако в целом работа написана на высоком научном уровне. Книга проникнута симпатией к России и, хотелось бы надеяться, способна передать её зарубежному читателю.

Примечание

¹ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 480.